

Беляева, М.

Щепки летят.

Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине

М.: Фонд «Хамовники», Common Place, 2024 — 192 с.

В серии эмпирических исследований реальной жизни и бизнеса в России прибавление: Марина Беляева выпустила книгу, где описывает «лесозаготовительную деятельность именно с точки зрения участвующих в ней людей и организаций, их описания, взаимодействия». Место действия — Вологодская область, третья в стране по объёмам лесозаготовки. За счёт этого бизнеса существуют многие населённые пункты региона, часто работа в лесу — единственная возможность заработка для местных жителей. Кроме того, основной материал для строительства частных домов здесь — дерево, а 75% жилого фонда на селе обогревается печами, т.е. дровами. Драматические изменения 2022 г., связанные с переориентацией экспортных потоков России с запада на восток, в книге не отражены: известно только, что объём лесозаготовки в 2022-м сократился на 20%. Положенное в основу работы Беляевой полевое исследование прошло в 2020–2021 гг. в виде 70 интервью с рабочими лесорубочных бригад, операторами лесозаготовительной техники, лесничими, работниками местных администраций, просто жителями, предпринимателями в сфере лесозаготовки — индивидуалами и представителями больших холдингов.

Изучая лесозаготовку, Беляева отмечает глубокую и всё нарастающую трансформацию этого бизнеса. С трудоёмкой советской технологии лесозаготовки перешли на скандинавскую — автоматизированную и капиталоемкую (одна машина стоит под 50 млн руб., все операции компьютеризированы, налажен дистанционный контроль и т.д.). «Ручной труд, труд лесорубочных бригад уходит в прошлое. Уходит в прошлое целое поколение лесорубов... Почти весь объём вырубок осуществляется сегодня с помощью лесозаготовительных машин — харвестеров и форвардеров. За сутки работы техники вырубается такой объём леса, какой лесорубочная бригада заготовила бы за неделю». Качественно изменилась организация труда: если раньше говорили «в лесу как на войне» (в связи с высоким травматизмом и смертностью), то теперь работу операторов машин описывают так: «работа в тапочках». Увы, большинство рабочих не смогли переучиться и приспособиться к новой технике, так что работают на машинах в основном 25–35-летние (а в «ручных» бригадах средний возраст — под 50). Условия труда и зарплата здесь существенно выше, но есть одно «но»: работа идёт вахтой, тогда как раньше бригада в основном работала в окрестностях родного поселка. Теперь же оператор никак не

связан с местом работы, и часто это выходцы из других областей или даже крупных городов.

В результате экономико-технологической перестройки «порвалась цепь великая, порвалась и ударила» — в основном по местным жителям. Если раньше лесорубочные бригады, организованные живущими тут же индивидуальными предпринимателями, были тесно связаны с посёлками и поддерживали их финансово, то теперь даже налоги от лесозаготовки на муниципальный уровень не доходят, а платятся по месту регистрации компании, чаще всего в райцентре. Малый бизнес теряет позиции, которые переходят к крупным лесопромышленным холдингам, руководствующимся глобально-экономической логикой. Они заготавливают от 500 тыс., а чаще около 1 млн кубометров леса в год, берут огромные участки в аренду на 50 и более лет. Перерабатывают лес на современных фанерных фабриках и целлюлозно-бумажных комбинатах, а не как местные — на небольших пилорамах. Индивидуальные предприниматели, на которых держится жизнь и работа в посёлках, не могут конкурировать с холдингами за главный ресурс — участки под вырубку. Поворот в сторону укрупнения и глобализации лесного бизнеса начался в 2010-х годах с принятием нового законодательства и изменениями в политике региональных властей. Если раньше они создавали преференции местным, то теперь через механизм приоритетных инвестиционных проектов и аукционов фактически отсекают «мелочь» от растущего (и уже достигшего рекордных советских объемов) рынка лесозаготовки. А число лесозаготовительных ИП с 2010 года сократилось втрое...

Прямым следствием такой экономической революции стало сокращение участия местных жителей в лесозаготовках, а побочным — резкое падение объёмов «черной» вырубки (примерно до 1% от всей лесозаготовки). Новые люди в «чёрные лесорубы» не приходят, в основном продолжают разбойничать те, кто пришёл в 1990-х — начале 2000-х гг. Они тоже потеряли конкурентоспособность, да и соперничать с мощными холдингами, вкладывающимися в охрану своих участков, им сложно. «Чёрные» рубят лес вручную, а значит — только зимой и днём, тогда как техника холдингов работает круглогодично и, если надо, круглосуточно. Масштабное воровство леса, характерное для страны ещё 20 лет назад, закончилось, теперь воруют по мелочи. Зато сохраняется «промысел» по лесозаготовкам для нужд местного населения (под строительство и отопление). Мало кто самостоятельно вырубает небольшие делянки, отводимые каждому жителю под дрова и стройку, согласно местному законодательству. Чаще всего квоту передают «промысловикам» — мужчинам среднего возраста, часто объединённым семейными связями, работающими в пожарной охране или других службах, способными найти технику и нарубить достаточно леса, чтобы обеспечить местных потребителей. Обычно одна бригада снабжает дровами 20–30 домов. Стоила теле-

га дров в 2021 году 5–8 тыс. руб., потребность на год на один дом — 5–6 телег.

Итак, коммерциализация и рационализация лесопромышленного комплекса, произошедшая в течение последних 15 лет, резко повысила продуктивность отрасли, снизила издержки, сократила число занятых, улучшила условия работы лесозаготовителей. В результате оказалась подорвана база существования местного малого бизнеса, что по цепочке сказалось на благосостоянии жителей небольших посёлков. Многие из них лишились работы, финансовая база посёлков, по сути, исчезает, выживать там теперь могут только пенсионеры. Холдинги относятся к региону как к объекту освоения, а не проживания, их цель — заготовить и вывезти побольше леса, ничего больше. Строить отношения с местными жителями они и не пытаются, хотя значительно затрудняют их жизнь. Среди прочего недовольство людей вызывают постоянно разбитые техникой дороги, а также плохая уборка вырубленных участков, которая подрывает лесные промыслы — сбор ягод и грибов. «Сейчас у лесозаготовителей нет ни необходимости, ни обязанности контактировать с поселковой администрацией», часто они почти ничего и не знают друг о друге. Решить же проблемы, создаваемые холдингами, муниципальная власть бессильна. Зато растут отчётные показатели, валовый региональный продукт, «инвестиционный климат» и прибыли крупного бизнеса! Такой тип освоения Русского Севера, по всем признакам, со временем приведёт к исчезновению большинства малых посёлков. Жизнь уйдёт отсюда, останется только трудовая «вахта».

В. В. Фёдоров

Для цитирования: Фёдоров, В. В. [Рец.] Беляева, М. Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине. М.: Фонд «Хамовники», Common Place, 2024 // Пути России. 2024. Т. 2. № 3. С. 211–213.